

«В ЖИЗНИ НЕТ СЛУЧАЙНОСТЕЙ...» 3

Интервью с писателем
Ириной Муравьевой

СМЕРТЕЛЬНОЕ
ОРУЖИЕ
ЧТЕЦА
7

РЫБА
ВНУТРИ
ТЕБЯ
8

#17
(2287)

Книжное обозрение

WWW.KNIGOBOZ.RU

выходит с 5 мая 1966 года

4 ЭРОТИКА
И НОСТАЛЬГИЯ

Турецкий
изгнанник
Недим Гюрсель

6 СЧАСТЬЕ –
ЕСТЬ

Микояновский
общепит
от Ирины Луценко

19 ФАНТАСТИКА
ЛЕТНЕГО
ДНЯ

Вечная романтика
Рэя Брэдбери

НОВОСТИ

Итальянская радуга

Мы еще не успели вдоволь насладиться годом Франции, как уже пора готовиться к следующему празднику – перекрестному году Италии в России. Первым мероприятием предстоящей феерии станет новая российско-итальянская литературная премия «Радуга», призванная открывать новые имена и поощрять творчество молодых прозаиков и переводчиков обеих стран. Ее учредители – Литературный институт им. А.М. Горького и Российское авторское Общество (РАО) (с российской стороны) и Ассоциация «Познаем Евразию» и Итальянский культурный институт в Москве (с итальянской) – придумали для этой цели две номинации: «Молодой автор года» и «Лучший перевод». В конкурсе участвуют произведения, написанные на родном языке – итальянском или русском, впервые опубликованные и не превышающие объем в десять машинописных страниц. Переводчикам предстоит работать над одним из пяти рассказов другой страны, отобранных специальной комиссией. Всем авторам, участвующим в конкурсе, не может быть меньше 18 и больше 30 лет. Что касается жюри конкурса, то оно будет состоять из двух национальных команд: российское возглавляет прозаик Владимир Маканин, а итальянское – Инге Фельтринелли, вдова Джанджакомо Фельтринелли, первого издателя романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Победители (по двое с каждой стороны) получат 5 тысяч евро в номинации «Молодой автор года», а в номинации «Лучший перевод» – 2,5 тысячи евро. Вручать премию планируется ежегодно и поочередно: в России и в Италии. По итогам премии лучшие работы войдут в ежегодный литературный альманах, где помимо самих текстов и художественных переводов планируется помещать критические статьи об авторах. Премия проводится под эгидой Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, а в качестве спонсоров выступают Банк Интеза, ЮниКредит Банк и итальянская книготорговая сеть «Librerie Feltrinelli».

Желаю счастья, Пух!

Медвежонок Заходера справляет юбилей (стр.20)

Худ. Виктор Чижиков

книжное обозрение
pro

Читайте в сегодняшнем выпуске «PRO»:

Наш колумнист Борис Есенькин о новых технологиях;
Переводчики о настоящем и будущем своей профессии.

Напоминаем нашим читателям, что список новых книг, а также рейтинги бестселлеров зарубежной литературы вы сможете найти только в ПРОфессиональной версии «Книжного обозрения», распространяемого только по подписке. Подробности – на стр. 14.

Следующий номер «Книжного обозрения» выйдет 9 августа с. г.

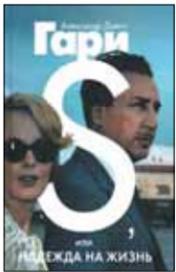

КНИГА НЕДЕЛИ

Осторожно: ребенок

Александр Диего Гари не стал дипломатом, как его отец Ромэн, или летчиком, как Экзюпери, или звездой кино, как его мама Джин Сибберг, не стал голкипером, хотя мечтал об этом больше всего на свете. И даже писателем — несмотря на вышедшую книжку — он себя не может назвать. Зато он остался жив, «безнадежно жив... после всех этих лет впотьмах».

С, как *silencium*, «Sweet Thursday» Стейнбека, или суицид, начинается с раздвоения рассказчика и героя. От этого и сам текст тоже раздваивается, как будто речь идет о дороге, на которую вы вступаете, надеясь прочесть одну интересную историю, а она прямо у вас под ногами распадается на две тропинки. И хотя они выются параллельно друг дружке, между ними в тысячу раз больше отличий, чем сходства. Одна — гладкая, прямая, солнечная, и все, что попадает на пути, когда идешь по ней, четко фиксируется, навеки запоминается и надежно прячется в сердце — она проложена мальчиком, чьи родители, очень известные

Гари А.Д.
S, или Надежда на жизнь: Роман / Пер. с фр. Н. Хотинской.
М.: Иностранка, 2010. — 224 с. — 4000 экз. (п) ISBN 978-5-389-00807-6

люди, конечно, любили его и даже когда-то были счастливы, но недолго, потому что вскоре один за другим покончили с собой, а его оставили одного в компании тех самых драгоценных и проклятых воспоминаний.

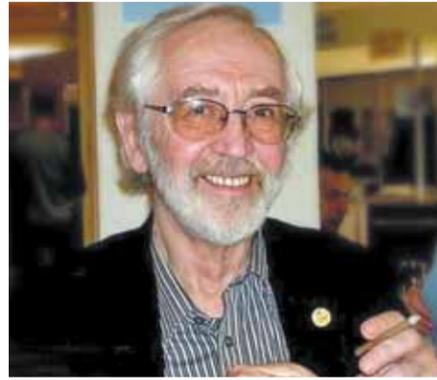
Вторая тропинка — та, по которой ступает Некто из Сан-Себастьяна — человек неопределенного возраста, занятий и внешности. Как и мальчик, он что-то вспоминает, но, в отличие от него, только то, чего не удерживает память ребенка. Поэтому его рассказ — его тропинка не предназначена для променада: по ней можно только бродить, запинаясь о колючки и в кровь царапая ноги. И все-таки эти дорожки сходятся, потому что у ребенка и взрослого должно быть что-то общее, — и они пересекаются там, где оживают воспоминания не о себе, а о родителях. Хотя о том, какие те были: люди, мама и папа, актриса и писатель, — почти не говорится. И в то же время это книга все-таки о них. Удивительно в ней то, как Гари удается превратить реальную историю в художественную, как у него получается через родителей сказать нечто очень важное о себе, и наоборот — как о них удастся рассказать через себя.

Вера Бройде

Восемь тортов и 500 эскимо

Его Шерлок Холмс так бесспорно прекрасен, что был удостоен рыцарского Ордена Британской империи. Самый обаятельный мужчина на свете — Карлсон — говорит его голосом. Это его взгляд — мечтательного Удава — гипнотизирует. И это он поет о том, как приятно на день рождения получить в подарок от волшебника 500 эскимо. Редакция «КО» поздравляет Василия Ливанова — замечательного актера, драматурга, сценариста и писателя — с 75-летним юбилеем и признается ему в своей любви!

Конечно, это очень большой праздник — день рождения. Но не меньший праздник и еще одно событие, так чудесно совпавшее с первым: выход в печать двухтомника прозаических произведений любимого артиста. 23 июля в книжном магазине «Библио-Глобус» при участии автора-именинника состоялась презентация книг «Белая ворона» и «Между двумя Живаго». В первую книгу вошли рассказы Василия Ливанова «Друг человека», «Рюмка коньяку» и повести «Агния, дочь Агнии», «Мой любимый клоун», «Ночная "стрела"». Содержание второй составили воспоминания артиста о Борисе Пастернаке, Фаине Раневской, Рине Зеленой, Виталии Соломине и Михаиле Калатозове, а также пьесы «Исполнитель» и «Елена — имя женское».

30 лет спустя

Тридцать лет назад не стало поэта, актера, певца Владимира Высоцкого. Дни памяти великого барда всегда проходят в городе на Неве в конце июля, но с этого года они, вероятно, станут петербургской традицией. Впервые сразу несколько мероприятий, посвященных памяти Высоцкого, в течение пяти дней (с 21 по 25 июля) проходят на трех концертных площадках Санкт-Петербурга. Ленинград, по словам Никиты Высоцкого — сына певца и директора Дома-музея на Таганке, был для его отца особым городом: тут он написал свою первую песню «Татуировка», сделал первую кинозапись выступления — спел на студии песню «Парус», работал на «Ленфильме», познакомился с женой. Известно, что в 1972 году Высоцкий выступил с концертом на озере Лампушка. Это событие подарило название ежегодному фестивалю бардовской песни. В череде прошедших мероприятий следует упомянуть о вечере на сцене Дворца культуры имени Ленсовета с участием Юрия Шевчука и группы ДДТ, Ильи Черта и группы «Пилот», Михаила Новицкого и группы «СП Бабай», а также о концерте драматических актеров в ДК им. Горького, в котором петербургские артисты исполняли песни поэта в сопровождении симфонического оркестра им. Соловьева-Седого.

Издания, отрецензированные в номере

Аллен Дж. Михаэль Шумахер	4	Каллен Н. Гель-Грин, центр земли	15
Альенде И. Дом духов	4	Круз А., Круз М. На пороге Тьмы	10
Багдасаров Р. Творцы Священной истории	10	Контурные карты для взрослых: Сборник	15
Базунов Е. Объективное существование Бога как проблема науки	15	Коровин А. Пролитое солнце: Стихи	15
Биркегор М. Тайна Libri di Luca	7	Кэрролл Л. Алиса в стране чудес/Пересказ Х. Кастор	24
Богданова П. Режиссеры-шестидесятники	15	Кэрролл Л. Алиса в Стране Чудес/Перевод Н. Демуровой	24
Бодрихин Н. Кожедуб	5	Лермонтов В. Аватар. Время больших перемен	10
Брэдбери Р. Отныне и вовек	19	Марков А. Рождение сложности: эволюционная биология сегодня	8
Гари А. Д. S, или Надежда на жизнь	2	Моцанский И. Информационная война	10
Глебов С. Евразийство между империей и модерном: история в документах	15	Нахджавани Б. Сума	4
Глушенко И. Общепит: Микоян и советская кухня 6		Парсамов В. Декабристы и Франция	15
Гоголевский сборник: Материалы конф. «Н.В. Гоголь и мировая культура»	15	Поэтика и эстетика слова: сб. научных статей памяти В. Григорьева	9
Громов А. Правда о штрафбатах и заградотрядах во Второй мировой	10	Силецкий А. Дети, играющие в прятки на траве	19
Грэй М. Места, изменившие человечество	10	Тестов А. Последняя битва	10
Гюрсель Н. Любовь после полудня	4	Чуев Ф. Ильюшин	5
Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения	9	Шпеер А. Шпандау: тайный дневник	10
Зейферт Е. Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев	9	Шубин Н. Внутренняя рыба	8

Выбор редакции

1 Еще в начале XX века доктора наук рассуждали о России XIX столетия через романы Достоевского. Спустя еще сто лет традиция укрепились основательно. Литературный критик и публицист Людмила Сараскина решила разобраться в том, как творчество писателя отражается на современной художественной литературе и публицистике, а заодно и политике, кино, театре, скульптуре, поэзии и телевидении.

Сараскина Л.
Испытание будущим. Ф. М. Достоевский как участник современной культуры.
М.: Прогресс-Традиция, 2010. — 600 с.

2 Ингмар Бергман снимал Лив Ульман. И фильмы, которые они вместе создавали, смогли перевернуть зрительский мир. Они и сейчас это делают, как и их дочь, только она — с помощью слов. Лив Ульман стала писателем, сумевшим напитать свои книги энергией киносценариев. Этот роман — о трех сестрах, отправившихся на остров, чтобы навестить там старого отца, — напоминает одновременно и фильм, и жизнь шведского режиссера.

Ульман Л.
Благословенное дитя / Пер. с норв. А. Наумовой.
М.: Текст, 2010. — 285 с.

Надежные швейцарские банки

19 июля в мирном швейцарском Цюрихе под пристальным взглядом юристов, а также представителей Немецкого литературного архива и Национальной библиотеки Израиля из хранилища были извлечены и вскрыты рукописи Франца Кафки, за которые уже почти два года сражаются Национальная библиотека Израиля и две гражданки этого государства — сестры Ева и Руфь Хофффе.

Кафка умер в 1924 году, оставив в наследство свои произведения другу и душеприказчику Макс Броду и возлюбленной Доре Диамант — в надежде, что те сожгут все бумаги. Диамант и правда уничтожила часть рукописей, а письма и записные книжки, которые она все-таки решила сохранить, исчезли после обыска в ее берлинской квартире, когда гестаповцы в начале 1930-х годов проводили свои рейды. В отличие от нее, Брод не стал ничего сжигать, а опубликовал те произведения Кафки, которые не были изданы при его жизни. В 1939 году Брод бежал из Европы в Палестину — вместе с архивом, а в 1956-м спрятал наследие Кафки в одном из швейцарских банков. При этом некоторые рукописи Брод хранил в своей тель-авивской квартире. После его смерти в 1968 году эта часть архива перешла к его секретарше и любовнице Эстер Хофффе. А та, в свою очередь, что-то из бумаг продала (в частности, рукопись «Процесса», которая впоследствии досталась одной из немецких библиотек), а что-то поместила на хранение в банки. Когда в 2008 году женщины не стало, принадлежавшие ей рукописи перешли к ее дочерям — Еве и Руфи. В последующие два года Национальная библиотека Израиля через суд добивалась, чтобы сестры открыли архив. Специалисты настаивали на том, что старинные рукописи, вероятнее всего, хранятся в неподходящих условиях, и это пагубно отражается на их состоянии. По мнению израильских ученых и немецких литературоведов, среди этих бумаг, написанных более 80-ти лет назад, могут быть и уникальные рукописи, содержание которых до сей поры никому не известно.

Больше некуда

Самая крупная книжная ярмарка открылась в Гонконге 21 июля. В экспозиции, которая развернулась в Гонконгском Центре Собраний и Выставок, приняло участие рекордное количество издателей: 510 из 22 стран мира. Более 70 тысяч гостей посетили выставку в день открытия и более миллиона человек — в течение недели. Также бьет рекорды число приехавших на ярмарку литературных знаменитостей англоязычного мира. Среди главных почетных гостей: писатель и актер Стивен Фрай, историк Эндрю Робертс, литературный критик Джеймс Фентон, автор бестселлеров Фредерик Форсайт и детский писатель Энтони Хоровиц. Вообще же, английский павильон в этом году занял на 50 процентов больше пространства, чем в предыдущем, превратившись в крупнейшую выставку британских книг за всю историю ярмарки.

3 Японец по рождению, британец по месту жительства, чудесный писатель по воспитанию, Кадзуо Исигуро пишет о том, как лучше петь «Джорджия у меня в памяти» — подразумеваемая женщина или американский штат? Он впервые взялся за малый жанр и придумал пять рассказов о любви, объединив их с помощью музыкальных нот.

Исигуро К.
Ноктюрны: Пять историй о музыке и сумерках / Пер. с англ. Л. Бриловой, С. Сухарева.
М.: Эксмо, СПб.: Домино, 2010. — 272 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

Ирина Муравьева

персона

«Запах любви —
это запах жизни»Беседовала
Марина Надеждина

Спорить о том, какое место занимает в литературном пантеоне женская проза, и доказывать, что этот интересный жанр годится далеко не только для создания культурного досуга отчаявшимся домохозяйкам, можно до бесконечности. А можно не спорить, а просто дать нелюбителю женской прозы романы или рассказы Ирины Муравьевой. Ее сложно-устроенные, изобилующие культурными аллюзиями, необычайно драматические, но всегда со счастливым концом истории — очень женские. Но — в лучшем смысле этого слова. Автор «Веселых ребят», «Любви фрау Клейст» и «Дня ангела» ответила на несколько вопросов «КО» — о литературе и не только.

— Расскажите, пожалуйста, что заставило вас впервые «взяться за перо».

— «Заставить взяться за перо» довольно трудно, а лучше сказать — невозможно. Большая литература приходит к человеку сама (если приходит) — ее ни за руку не приведешь, ни силком не затащишь. Бывают, конечно, такие события в жизни — крупные, судьбоносные события, — когда человек чувствует необходимость поделиться, «выплеснуть» свое потрясение, или восторг, или ужас, но, к сожалению, это приобретает художественную ценность только в том случае, если в человеке открывается литературный дар.

— Вы русский писатель, но писать начали только переехав в Америку. Как вы думаете, вы начали бы писать книги, если бы остались в России? И если да, то как вы считаете, ваши произведения сильно бы отличались от тех, что вы создали в США?

— Я с трудом переношу «сослагательное наклонение», когда разговор заходит о жизни. В ней нет и не может быть никаких случайностей, а то, что кажется нам случайностью, на самом деле «кажется» ею. Я не представляю, что «было бы», «если бы я» и т.д. Если мне выпало быть русским писателем в Америке, то я и есть русский писатель в Америке, и все остальные предположения на эту тему относятся к области фантазирования.

— Вы литературовед — это помогает в писательской работе?

— Я давно забыла, что я литературовед. Более того: мне кажется, что это «несуществующее» дело. Можно заниматься историей литературы, то есть собирать, накапливать факты и анализировать их; можно «выражать себя», как это делали, например, Цветаева, или Гершензон, но «ведать», что писал другой человек, — вряд ли возможно. Да я и не была литературоведом, все попытки литературоведения в моем случае свелись к чистой эссеистике.

— Кому-то ваши романы и рассказы покажутся «женской прозой», а кто-то скажет, что это «просто проза». А как вы сами охарактеризуете свои произведения?

— Есть проза хорошая и проза плохая. Если «женская проза» — это сочинения второго разряда, то я бы, разумеется, хотела писать просто прозу. Даже пресловутые рассуждения о том, что женская проза более эмоциональна, по-моему, стоят недорого. Когда Толстой писал «Анну Каренину» — все эти «женские» куски в романе (жизнь Долли, роды, страницы

перед самоубийством Анны и т.д.), — он ведь не писал «женскую» прозу?

— Где бы вы поместили женскую прозу в литературной иерархии?

— Если «литературная иерархия» включает в себя чисто развлекательный элемент, что-то вроде самого незамысловатого чтения в очереди к зубному врачу, а женскую прозу мы понимаем как прозу второго разряда, я бы и поместила ее туда, где ей найдется местечко.

— Вы переходите в повествовании и диалогах на стихотворный размер. Скажите, как возник этот художественный прием?

— Я глубоко огорчена тем, что меня подозревают в изобретении литературного приема. То, что проза моя вдруг переходит в стихотворный размер, случается непроизвольно. Я бы никогда и не смогла (вот ругала «сослагательное наклонение» — а сама?) выдержать стихотворного размера с такой длительностью и частотой, как это случается. Стихотворный ритм в моем случае — это просто запись того, что звучит внутри. Это, кстати, чистая правда.

— Писали ли вы когда-нибудь стихи?

— Стихи я писала в детстве. После того, как я получила отказ из «Пионерской правды», я это занятие бросила. Отказ начинался так: «Дорогой друг! Мы очень рады, что ты любишь стихи, пробуешь писать их сам...»

— Вы предпочитаете русских или зарубежных авторов? Читаете ли вы американских русскоязычных писателей? С творчеством кого из них вы бы посоветовали ознакомиться российскому читателю?

— Сейчас я катастрофически мало читаю. Я отрываюсь от собственной работы, чтобы перечитать то, что и так знаю почти наизусть: то Пушкина (прозу!), то Толстого, то Бунина, то Пруста. Я просто открываю то, что мне хочется, и радуюсь, и отдыхаю при этом. Это как прийти домой после долгой и изнурительной дороги. Я бы посоветовала познакомиться с наследием Льва Лосева. Но не со стихами, а с его книгой о Бродском.

— С какими трудностями сталкивается сегодня литератор, живущий в США и пишущий на русском языке? Нынешняя эмигрантская среда способствует полноценной творческой деятельности или наоборот?

— Я не сталкиваюсь с трудностями «литератора, живущего в американской среде». Я даже не представляю себе, что может стоять за этим. В опыте перемещения писателя из одной среды в другую нет ничего катастрофического. Писатель в любой «среде» должен

чувствовать себя слегка посторонним, на то он и писатель. Говорю это не от заносчивости и не о себе даже говорю, а вообще о писателях, оказавшихся в подобном положении. Можно, конечно, было бы запеть старую песню, что писателя не понимают на чужбине и т.д., но — зачем? Если речь действительно идет о серьезном творчестве, то при чем здесь «нынешняя эмигрантская среда»? Я сама по себе, а среда — сама по себе. Она мне не помогает и не мешает, ну, и я ей тоже.

— О ком и о чем сегодня интересно читать большинству живущих в Америке русских?

— В Америке живет значительное число русских, и все они — разные. Мне трудно сказать, что интересует большинство, так как большинство вообще не имеет никакого отношения к литературе и к чтению как таковому. Русскоязычные писатели, как я думаю, с самым большим интересом читают друг друга, иначе «среда» распадется.

— Кому в первую очередь вы адресуете свои книги — русским американцам или россиянам?

— Книжки ведь не письма, чтобы их буквально кому-то адресовать. Да и самое прекрасное, самое чистое на свете письмо было написано мальчиком «на деревню дедушке». Пишешь всегда «со слезами и волнением», а кто будет «со слезами и волнением» читать — не знаю.

— В романе, который пишет Даша Симонина из «Любви фрау Клейст», главная героиня — немка. А вам самой никогда не хотелось написать книгу о европейце или американце?

— Если бы мне хотелось написать о европейце или американце, я бы приложила все усилия к тому, чтобы это сделать. Характер фрау Клейст, кстати, не типичен для немки. Это просто довольно своеобразный и очень страстный женский характер, который не смогла разрушить даже старость.

— Есть ли в ваших книгах автобиографические мотивы?

— Автобиографические мотивы, разумеется, есть. В противном случае любая книга становится более или менее фальшивой.

— В романе «Веселые ребята» вы рисуете жутковатую картину советских «школьных годов чудесных». Кто же все-таки больше виноват в том, что произошло с «веселыми ребятами» Геной, Наташей, Юлей — эпоха или переходный возраст, чьи ловушки, в общем-то, неизменны во все времена?

— Я совсем не хотела, чтобы картина жизни в «Веселых ребятах» предстала как «жуткова-

тая». Что в таком случае сказать о «картине жизни» в «Ромео и Джульетте»? (Я не сравниваю себя с Шекспиром!) В жизни есть все. «Веселые ребята» — книга гротескная, и трагическое начало по моему замыслу должно было присутствовать в ней так же сильно, как и комическое. А «ловушки» расставлены по всей человеческой жизни, не только по юности.

— Любовь у ваших героев и героинь всегда крайне непростая. вы совсем не верите в «правильную», неднионическую любовь? Или в сердце, которое не делает глупостей?

— Мои дед и бабушка прожили самую что ни на есть хорошую, добрую, заботливую и любовную совместную жизнь. Я когда-то случайно прочитала письма деда к бабушке, написанные вскоре после свадьбы, так что моему детскому впечатлению есть формальное письменное подтверждение. Как же после этого я могу «не верить» в такую любовь?

— Вы согласны со своим персонажем, утверждающим, что «любовь смертью пахнет, и в этом все дело»?

— Совсем не всегда «любовь смертью пахнет». Запах любви — это запах жизни. Но то, что с любовью сопряжена самая большая доля страданий и испытаний, — это правда.

— Самые мрачные жизненные ситуации оборачиваются для ваших персонажей прозрением, примирением с миром и собой. Как вам удается находить столько оптимизма, чтобы их «спасти»?

— Для этого совсем не нужен оптимизм. Для этого нужно чувство «радости жизни». А у меня оно есть.

— Вы сочувствуете всем своим героям?

— Не сочувствовать своим героям — то же самое, что не сочувствовать людям вокруг тебя. Упаси меня Бог от этого.

— Расскажите, пожалуйста, о ваших творческих планах.

— Я на днях должна закончить и послать в «Эксмо» первую книгу новой трилогии. Она называется «Барышня», и в этом названии есть свой «трик». Ведь слово «барышня» вызывает очень определенные ассоциации. Что-то такое миловидное, невинное, старинное. Моя героиня, Таня Лотосова, именно «барышня» по своим внешним признакам: дочка московского врача (действие романа начинается в 1913 году!), окончившая хорошую гимназию, курсистка первого года обучения. И вот на эту «барышню» надвигается жизнь: роковые российские времена. Об этом и будет моя трилогия.

4 Кшиштоф Кеслевский благодаря которому мы узнали о двойной жизни Вероники, о польско-французской любви и о десяти заповедях, умер 15 лет назад. Но кажется, что он жив, когда рассказывает о своем детстве и юности, о Польше

1970–1980 гг. и о работе над всеми снятыми им фильмами — в книге, составленной из монологов режиссера, записанных Данутой Сток.

Кеслевский К.
О себе:
Запись Дануты Сток.
М.: Новое издательство, 2010. — 132 с.

5 Для Кристофера Робина он был чудесным папой и самым лучшим сказочником, для нас стал отцом Винни-Пуха, но вообще-то, когда он только вернулся домой с Первой мировой войны, то не сразу стал автором повестей о «медведе с опилками в голове».

Алан Александр Милн писал пьесы — по-английски остроумные, по-уайлдовски изящные и популярные, как у Шоу.

Милн А.А.
Ариадна: Авторский сборник / Пер. с англ. В. Вебера.
М.: АСТ, Астрель, 2010. — 320 с. — (Книга на все времена).

6 Какую легенду еще придумала Амели Нотомб? Она рассказала много историй о балеринах, самураях, убийцах... — теперь очередь музыкантов. Когда Франц Шуберт сочинил одно из последних своих произведений, «Зимний путь», то сам

назвал цикл «ужасным»: ведь то были воспоминания одинокого скитальца о неразделенной любви. Вот и Зоил, герой этого романа, идет по той же дороге.
Нотомб А.
Зимний путь / Пер. с фр. И. Волевич.
М.: Иностранка, 2010. — 160 с. — (The Best of Иностранка).

7 Спиритические сеансы, женщины-медиумы, призраки, которые никак не могут успокоиться, и духи, мечтающие отомстить живым, — не пугайтесь: это не очередная вампирская история, это роман о загадках прошлого из старой доброй Англии:

Хилари Мантел, лауреат Букеровской премии 2009 года, пишет серьезную прозу.

Мантел Х.
Чернее черного / Пер. с англ. А. Кирановой.
М.: Эксмо, Домино, 2010. — 496 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

